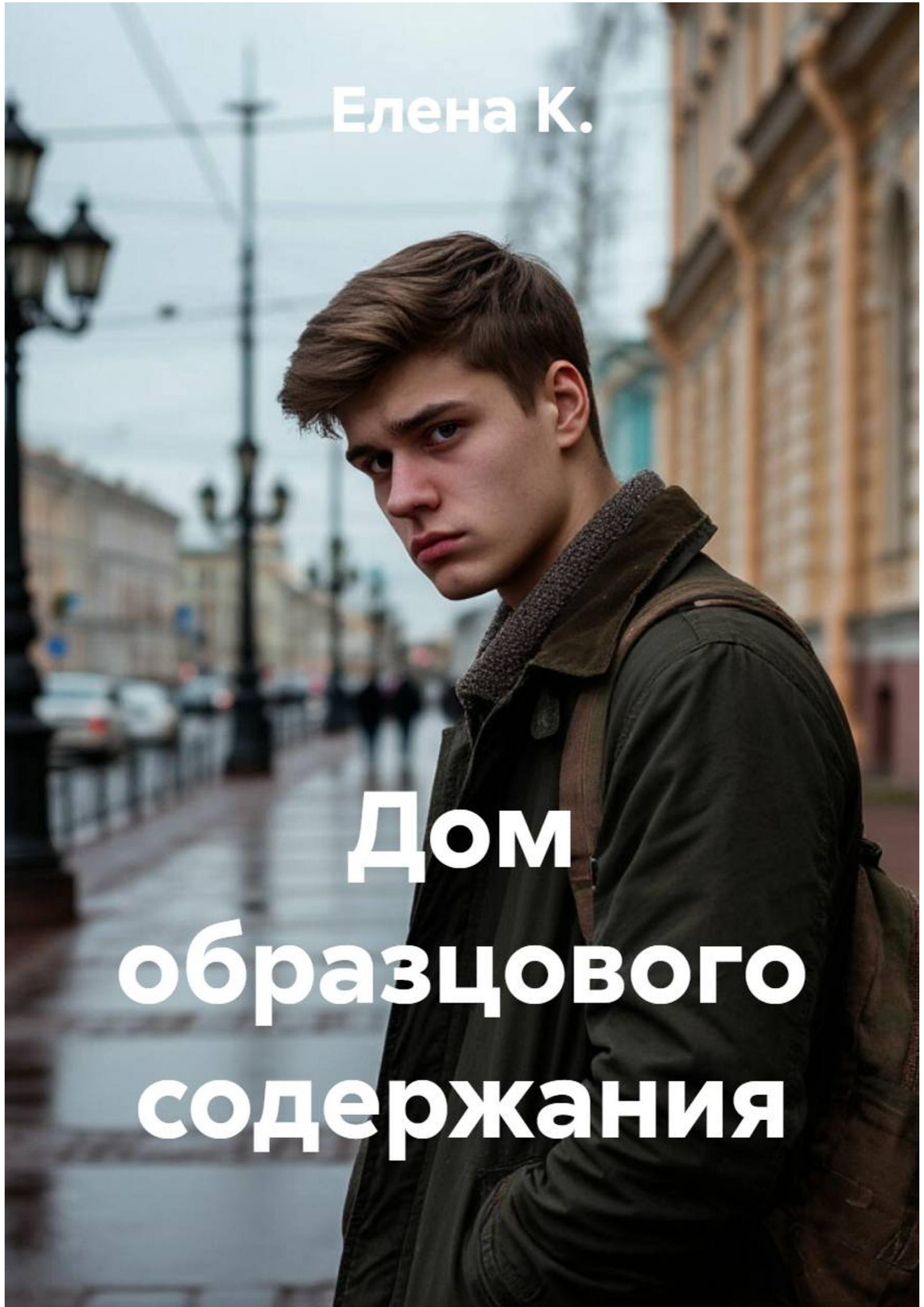

Елена К.

**Дом
образцового
содержания**

Елена К.

Дом образцового содержания

«Автор»

2026

К. Е.

Дом образцового содержания / Е. К. — «Автор», 2026

Представьте: вы платите за услугу, но не можете проверить, оказывают ли её на самом деле. Договор — как лабиринт из расплывчатых формулировок. На любой вопрос — вежливые отговорки. И кажется, что единственный способ что-то изменить — устроить скандал. А что, если настоящая сила — в спокойствии и ясности? В центре этой истории — старший лейтенант Гордеев. Его отстраняют от расследования, потому что он слишком близко подобрался к схеме, выгодной сильным мира сего. Но он не уходит в тень. Вместе с командой — умной, упрямой, по-своему бесстрашной — он делает невозможное: превращает хаос улик и эмоций в простые, рабочие инструменты.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава о совпадениях.	5
Глава 1. Идеальный фасад	6
Глава 2. Голосование за неудобных	9
Глава 3. Слепые зоны и чужие ключи	12
Глава 4. Дом, который смотрит в ответ	15
Глава 5. Сестра, которая знает слишком много	18
Глава 6. Цена «идеального дома»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дом образцового содержания

Глава о совпадениях.

Как и положено в хорошей книге, пара слов для самых въедливых.

Все имена, названия районов, управляющих компаний, администраций, подрядчиков, облаков, серверов, чатов, брошюр, памяток, QRкодов и даже кота по кличке Скептик — плод авторского воображения. Любые совпадения с реальными людьми, организациями, схемами, регламентами, кабелями, портами и сроками хранения данных — чистая случайность. Настолько чистая, что её можно смело выставлять на витрину как эталон непреднамеренности.

Никакие УК, администрации, подрядчики и прочие серьёзные структуры тут не обиделись, потому что их тут нет. Ни одной. Вообще. (Если вдруг кому-то показалось, что есть — это тоже совпадение. И, возможно, лёгкая игра света.)

А если кто-то вдруг узнает в этой истории себя — поздравляем: у вас отличная фантазия. И, вероятно, вы тоже когда-то пытались разобраться в договоре на видеонаблюдение и тихо радовались, когда находили пункт про срок хранения данных.

Эта история — художественный вымысел. Но идея — настоящая: прозрачность работает, когда она простая, понятная и лежит в каждом подъезде.

И да, Скептик всё ещё требует молоко. Это не вымысел, это факт.

Глава 1. Идеальный фасад

Я въезжала в «Сосны» в тот день, когда Москва окончательно выдохлась от жары, а Подмосковье ещё делало вид, что держится. Кондиционер в такси работал на износ, по стеклу стекали капли, похожие на пот, и я смотрела, как за ними медленно вырастают одинаковые башни — высокие, светлые, будто из рекламы, где все счастливы по умолчанию.

Мне хотелось именно этого: тишины, предсказуемости, места, где никто не будет вспоминать мой развод, мой скандал, мой «неправильный» выбор. В «Соснах» обещали закрытый периметр, консьержа, видеонаблюдение и «сообщество, ориентированное на комфорт». Звучало как заклинание: пусть меня здесь просто не заметят. Пусть я буду просто жильцом.

Охранник на въезде махнул шлагбаумом, даже не взглянув на меня. Машина проехала по идеально ровному асфальту, между ровными рядами туй, мимо идеально подстриженных газонов. Всё здесь было слишком правильным, будто кто-то специально выставил свет, чтобы скрыть тени.

Я поднялась на свой этаж, открыла дверь и сразу почувствовала этот запах нового дома: лак, строительная пыль, тонкий аромат освежителя, который должен был маскировать всё остальное. Квартира была аккуратной, почти стерильной — как номер в дорогом отеле, где никто никогда не жил. Я поставила чемодан, сняла туфли и прошла по паркету, прислушиваясь к тишине. Она была плотной, почти осязаемой, и от этого становилось не по себе.

Первым делом я зашла в чат жильцов. Он назывался уютно и безобидно: «Сосны: соседи и уют». Там уже висело несколько сообщений.

Анна, 3 подъезд: Добрый вечер! Подскажите, кто знает, где тут можно заказать уборку? Желательно без лишних разговоров. ## Дмитрий, 5 подъезд: Вчера вечером кто-то оставил тележку из супермаркета у лифта. Пожалуйста, не надо так. Давайте уважать общее пространство. УК «Сосны»: Уважаемые жильцы! Напоминаем, что в целях безопасности территория находится под видеонаблюдением. Доступ к записям предоставляется только по официальному запросу. Благодарим за понимание.

Тон был вежливый, но в нём чувствовалось что-то жёсткое, как натянутая струна. Я подумала, что, наверное, просто устала. Что мне везде мерещится давление.

Потом я распаковывала вещи. Чашки, тарелки, книги — всё это выглядело странно в этой стерильной квартире, будто я пыталась вписать себя в чужой сценарий. Когда я ставила на полку любимую керамическую кружку — ту самую, с трещиной, которую я не выбрасывала, она была «моей», — мне вдруг показалось, что она здесь неуместна. Слишком живая и слишком настоящая.

А потом я заметила, что чашка стоит не там.

Я точно помнила, что поставила её на верхнюю полку, рядом с чайником. А теперь она стояла ниже, чуть в стороне, будто её кто-то подвинул, чтобы освободить место. Или чтобы проверить, замечу ли я.

Сердце сделало один резкий удар, а потом забилося ровно, как будто пытаюсь убедить меня, что ничего не произошло. «Ты просто устала, — сказала я себе. — Ты ставила её не туда или сквозняк. Или кошка, хотя кошек тут быть не может».

Но я знала, что ставила её именно туда.

Я обошла квартиру, проверяя, не тронута ли что-то ещё. В ванной полотенце висело чуть иначе, чем я его повесила. В шкафу одна из полок была приоткрыта — я точно закрывала её. И ещё этот запах: едва уловимый, но чужой. Туалетная вода с древесными нотами, которую я не покупала.

В тот момент я поняла: в этой идеальной тишине кто-то был до меня. Кто-то ходил по этим комнатам, трогал мои вещи, вдыхал этот воздух. И, возможно, наблюдал, как я въезжаю.

Я села на диван, обхватив себя руками, и снова открыла чат. Пролистала вверх, потом вниз, пытаясь найти хоть что-то, что объяснило бы это напряжение. И вдруг увидела сообщение, которое появилось буквально минуту назад — от анонимного пользователя с ником «Без имени»:

Если вы видите что-то странное — не пишите в полицию. Напишите мне.

Под сообщением была кнопка «Написать в личку».

Я смотрела на эти слова, и они казались одновременно абсурдными и пугающе правильными. Как будто кто-то знал, что я сейчас сижу здесь, в этой слишком тихой квартире, и чувствую, как идеальный фасад начинает трескаться.

Не думая, я нажала.

«Я только въехала, — написала я. — И мне кажется, что в квартире кто-то был».

Ответ пришёл почти сразу:

Ты не первая, кто это чувствует. Но ты можешь быть последней, кто задаст вопрос. Смотри камеры. Только не проси их официально. Они ничего не покажут.

Я вздрогнула. Это звучало как предупреждение. Или как приглашение в игру, правила которой я не знала.

И тут в дверь позвонили.

Я замерла. В голове пронеслось: «Никто не знает, что я здесь. Никто не должен был прийти». Но звонок прозвучал снова — короткий, вежливый, будто консьерж напоминал о чём-то незначительном.

Я подошла к глазку. На площадке стоял мужчина в форме охраны — высокий, спокойный, с лицом, которое казалось одновременно нейтральным и внимательным. Он не выглядел угрожающе. Но и дружелюбным он не выглядел. Он выглядел так, будто знал больше, чем должен.

— Добрый вечер, — сказал он, когда я приоткрыла дверь. — Вы Лера? Из 147-й?

— Да, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал нормально.

— Меня зовут Артём. Я дежурю на этом этаже. Хотел убедиться, что вы устроились. И передать вам кое-что от управляющей компании.

Он протянул мне конверт. Обычный белый, без марки, с моим именем, написанным аккуратным почерком.

— Что это? — спросила я, не беря его.

— Просто документы. Дополнительное соглашение. Ничего страшного. Все подписывают.

Я взяла конверт, чувствуя, как бумага холодит пальцы. Внутри лежал лист с мелким шрифтом: «Согласие на обработку персональных данных и использование систем видеонаблюдения в целях обеспечения безопасности». И ещё один пункт, который я прочла дважды: «Жилец обязуется не распространять информацию, полученную в ходе использования инфраструктуры комплекса, без согласования с УК».

— Это обязательно? — спросила я.

Артём чуть наклонил голову, будто оценивая мой вопрос.

— Формальность, — сказал он. — Но да, обязательно. Без этого доступ к некоторым сервисам ограничен.

— К каким? — уточнила я.

— Например, к гостевому пропуску. Или к архиву камер.

Я посмотрела на него, пытаясь понять, случайно ли он упомянул камеры. Его лицо осталось спокойным, но в глазах мелькнуло что-то — не сочувствие, а скорее понимание. Будто он знал, что я уже что-то подозреваю. И будто он был готов либо помочь, либо остановить меня.

— Я подумаю, — сказала я, убирая конверт в карман.

— Хорошо, — кивнул он. — Только не тяните. У нас тут всё быстро меняется. То, что сегодня кажется мелочью, завтра может стать проблемой.

Он уже повернулся, чтобы уйти, когда я спросила:

— А вы... вы часто замечаете, что жильцы что-то чувствуют? Ну, что за ними наблюдают?

Он остановился, не оборачиваясь. Потом медленно повернулся ко мне.

— Здесь многие сначала думают, что это паранойя, — сказал он тихо. — А потом понимают, что это не паранойя. Просто дом устроен так, что он всё видит. И всё помнит.

С этими словами он ушёл, оставив меня одну в коридоре, где свет был слишком ярким, а тени — слишком длинными.

Я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и снова посмотрела на конверт. Потом на чашку, которая стояла не там. Потом на экран телефона, где в чате всё ещё висело то самое сообщение: «Не пишите в полицию. Напишите мне».

И я поняла: этот дом не хотел, чтобы я чувствовала себя в безопасности. Он хотел, чтобы я привыкла к его правилам. Чтобы я перестала задавать вопросы. Чтобы я стала частью этого идеального фасада.

Но я не хотела быть фасадом.

Я хотела знать, что скрывается за ним.

Глава 2. Голосование за неудобных

Ночь была не тёмной, а какой-то глянцевой: свет фонарей отражался в мокром асфальте, и казалось, что «Сосны» стоят в витрине, где всё выставлено напоказ. Я не спала. Конверт из рук Артёма лежал на кухонном столе, будто ждал, когда я его разорву или подпишу — как будто это был единственный выбор. Но я знала, что выбор не там. Он был в том, что я сделаю дальше.

Я снова открыла чат. Там уже бурлило.

УК «Сосны»: Напоминаем, что уровень шума после 23:00 не должен превышать 40 децибел. Марина, 2 подъезд: Вчера в 23:17 в районе лифта был слышен громкий разговор. Просим администрацию принять меры. Дмитрий, 5 подъезд: Поддерживаю. Мы платим за комфорт. Давайте уважать друг друга. Анна, 3 подъезд: А я слышала шаги над собой. Как будто кто-то бежит. В час ночи. Это точно не ребёнок, дети в это время спят.

И вдруг — новое сообщение, от того самого анонима:

Без имени: Не спорь с ними в чате. Они любят коллективные решения. Скоро будет голосование.

Голосование. Это слово прозвучало внутри как удар. Я вспомнила, как в школе класс голосовал за то, чтобы «не брать кого-то в проект», и как это выглядело так цивилизованно: поднятые руки, вежливые лица, а на деле — способ сделать травлю легитимной.

Телефон завибрировал. Номер не определился.

— Алло? — сказала я, и голос прозвучал слишком громко в этой квартире, которая всё ещё казалась чужой.

— Это Артём, — тихо сказал он. — Вы не спите?

— Нет, — призналась я. — Смотрю чат.

Он хмыкнул, будто это было ожидаемо.

— Там сейчас начнётся. Не вступайте. Просто наблюдайте.

— Что начнётся?

— То, что они называют «урегулированием». У них есть процедура.

Через пять минут в чате появилось новое сообщение — уже от УК, но с пометкой «по инициативе жильцов»:

Предлагается провести голосование по вопросу: «Принятие мер к жильцам, систематически нарушающим правила тишины и создающим дискомфорт для сообщества». Варианты:

Провести профилактическую беседу.

Ограничить доступ к общим зонам (лаунж, спортзал, коворкинг).

Инициировать проверку соблюдения договора.

Под сообщением уже начали появляться реакции: серые смайлики с поднятыми руками.

Я почувствовала, как внутри всё сжимается. Это было не про шум. Это было про контроль. Про то, как легко превратить соседство в систему слежки, где каждый становится и судьёй, и свидетелем, и палачом.

— Вы ещё там? — спросил Артём в трубке. Его голос был спокойным, почти будничным, будто он привык говорить с людьми, которые вот-вот сорвутся.

— Да, — прошептала я. — Они голосуют.

— И вы тоже. Только выберите первый вариант. Так вы покажете, что вы «с ними», но не участвуете в наказании.

Я нажала «1». И тут же увидела, как напротив моего ника появилась галочка. Как будто система отметила: «Она согласна. Её можно использовать».

— Теперь слушайте, — сказал Артём. — Сегодня ночью на этаже 12 есть слепая зона у пожарного выхода. Камеры там не работают. Если хотите увидеть, как это всё устроено, приходите туда в 03:00. Но только если вы действительно хотите знать.

Я хотела. И не хотела. Это было как стоять на краю и смотреть вниз: часть тебя хочет прыгнуть, чтобы почувствовать, что ты жив, а другая — цепляется за перила.

— А если это ловушка? — спросила я.

— Тогда я буду там, — просто ответил он. — Чтобы вытащить.

Связь оборвалась. Я стояла посреди кухни, с телефоном в руке, и смотрела на чашку, которая всё ещё стояла не там. И вдруг поняла: дело не в чашке. Дело в том, что кто-то хотел, чтобы я заметила. Чтобы я начала сомневаться. Чтобы я стала удобной мишенью для их «голосований».

Я надела тёмную толстовку, натянула капюшон и вышла в коридор. Лифт ехал слишком медленно, будто знал, куда я направляюсь, и пытался меня задержать. На двенадцатом этаже пахло озоном и старым пластиком — запах технических помещений, где прячутся провода и секреты.

У пожарного выхода никого не было. Только тусклый свет, мерцающий, как неисправное сердце. Я стояла, прислушиваясь к тишине, которая уже не казалась безопасной. И тут из темноты вышел Артём.

— Вы пришли, — сказал он, не удивляясь. — Значит, вы не из тех, кто отступает.

— Или из тех, кто слишком любопытен, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он кивнул, будто это была одна и та же категория.

— Здесь, — он показал на стену, где был люк, — находится распределительный узел камер. Отсюда можно увидеть, кто и когда смотрит записи. И кто их стирает.

— Зачем вы мне это показываете? — спросила я. — Вы же работаете на них.

— Я работаю в этом доме, — поправил он. — Это не одно и то же.

Он открыл люк, достал планшет, быстро провёл по экрану. На нём мелькнули схемы, временные метки, имена. Я увидела своё имя — и дату, когда в мою квартиру заходили. Не «уборщики». Не «мастера». Кто-то из службы безопасности.

— Они проверяют новых, — сказал Артём, не глядя на меня. — Смотрят, как быстро человек начнёт жаловаться. Или молчать.

— А вы? — спросила я. — Вы тоже проверяли?

Он помолчал. Потом кивнул.

— Один раз. Когда вы только въехали. И я сразу увидел, что вы не будете молчать.

Это звучало как предупреждение. Или как комплимент.

В этот момент в кармане у меня завибрировал телефон. Я вытащила его — и увидела, что в чате появилось новое голосование. На этот раз — с моим участием.

Предложение: «Провести проверку квартиры 147 (Лера) на предмет нарушения правил хранения личных вещей в тамбуре». Под инициативой: Дмитрий, 5 подъезд; Марина, 2 подъезд.

Я подняла глаза на Артёма. Он смотрел на меня, и в его взгляде не было удивления. Только усталость.

— Вот оно, — тихо сказал он. — Теперь вы не просто соседка. Вы — проблема. И они хотят решить её коллективно.

Я жала телефон так, что пальцы побелели. Внутри поднималась злость — холодная, острая, которая приходит, когда понимаешь, что тебя пытаются сделать невидимой, неудобной, неправильной.

— Что мне делать? — спросила я, хотя знала, что он не даст мне готового ответа.

— Не бегите, — сказал он. — Бег делает вас виноватой в их глазах. И не спорьте в чате. Там правда не живёт. Идите туда, где есть доказательства.

Он протянул мне флешку.

— Здесь — копии записей с камер за последние три месяца. Не все, но достаточно, чтобы увидеть, как работает система. Но если вас поймают с этим... вас не просто выселят. Вас делают «неудобной» везде.

Я взяла флешку. Она была маленькой, почти невесомой, но чувствовалась как камень.

— Спасибо, — сказала я.

— Не благодарите, — ответил он. — Пока рано.

Мы стояли в полумраке, два человека, которые знали слишком много для этого идеального дома. И в этот момент я поняла: я больше не хочу быть просто жильцом. Я хочу быть той, кто ломает этот фасад.

Когда я вернулась в квартиру, первое, что я сделала, — не стала читать чат. Я вставила флешку в ноутбук. На экране начали мелькать кадры: коридоры, лифты, двери. И среди них — моя дверь. И человек в форме, который открывает её своим ключом.

Я смотрела на это, и тишина квартиры больше не казалась пустой. Она была наполнена чужими шагами. Чужими взглядами. Чужими решениями о том, кем мне быть.

И я решила: пусть они голосуют. Пусть они проверяют. Пусть они думают, что контролируют меня. Потому что теперь у меня были свои доказательства. И свой план.

Глава 3. Слепые зоны и чужие ключи

Ноутбук тихо гудел, экран резал глаза после темноты коридора. Я вставила флешку и открыла первую папку. Названия файлов были сухими, как диагнозы: «Коридор_12_этаж_23:07», «Лифт_В_01:15», «Тамбур_147_00:43». Внутри — серые кадры, где люди двигались, как тени. И среди них — человек в форме, который спокойно открывает дверь моей квартиры своим ключом. Не мастер. Не курьер. Сотрудник службы безопасности.

Я смотрела на это и чувствовала, как внутри закипает не страх, а злость — острая, отрезвляющая. Меня не просто проверяли. Меня изучали, чтобы понять, насколько быстро я сломаюсь.

На флешке было не всё. Артём предупредил: «Не все записи». Но даже этих хватило, чтобы увидеть закономерность. Все визиты в мою квартиру совпадали с активностью в чате: кто-то писал жалобу на шум, и через два часа у моей двери появлялся охранник. Система работала как часы: жалоба фиксация «нарушения» основание для проверки.

Я начала выписывать даты, время, имена сотрудников, номера их бейджей. На отдельном листе — ники из чата: Дмитрий, Марина, Анна. Потом соединила линиями: Дмитрий часто комментировал посты Марины, Анна ставила реакции на сообщения УК. Это выглядело как сеть, где каждый узел тянул за соседний.

И тут телефон снова завибрировал. Чат.

УК «Сосны»: По результатам голосования принято решение о проведении внеплановой проверки квартиры 147. Время визита: завтра, 10:00. Просим обеспечить доступ. Дмитрий, 5 подъезд: Наконец-то. Мы платим за комфорт, а не за то, чтобы слушать чужие разборки. Марина, 2 подъезд: Поддерживаю. У нас дети. Им нужен покой. Без имени: Не открывай. У них нет права.

Я посмотрела на последнюю строчку и вдруг поняла: аноним «Без имени» знал больше, чем мог знать обычный сосед. Он реагировал слишком быстро, слишком точно.

Ответила ему: «Откуда ты знаешь, что у них нет права?»

Ответ пришёл мгновенно: «Потому что я видел договор. Пункт 3.12. Доступ только при угрозе жизни или по решению суда. Остальное — самоуправство».

Пальцы замерли над клавиатурой. «Кто ты?» — напечатала и стёрла. Потом снова напечатала. И отправила.

«Тот, кто раньше верил, что этот дом — спасение. А теперь знает, что он — ловушка».

В дверь постучали. Не звонок — короткие, резкие удары, от которых внутри всё сжалось. Я подошла к глазку. На площадке стоял Артём. Без формы. В тёмной куртке, с сумкой через плечо.

— Открывай, — тихо сказал он. — У нас мало времени.

Я приоткрыла дверь, не снимая цепочки.

— Ты дал мне флешку, — сказала я. — А теперь пришёл за ней?

Он покачал головой.

— Пришёл сказать, что ты попала в их «красный список». Завтра в десять к тебе придут не просто с проверкой. Придут с понятыми и актом. И если найдут хоть что-то — хоть пустую бутылку в тамбуре — тебя выставят за дверь в течение суток.

— Почему ты мне помогаешь? — спросила я, и голос дрогнул. — Ты же часть этой системы.

Он посмотрел на меня так, будто хотел что-то сказать, но не мог. Потом опустил глаза.

— Потому что я был на твоём месте. Только я понял слишком поздно.

В этот момент телефон снова пискнул. Чат.

Анна, 3 подъезд: А у неё вообще кто-то бывает? Видела, как к ней ночью мужчина заходил. Наверное, нарушает правила про гостей. Дмитрий, 5 подъезд: Вот! Это уже серьезно. Надо проверить и гостей тоже.

Я подняла глаза на Артёма. Он всё понял по моему лицу.

— Это не про тебя, — сказал он. — Это про них. Они ищут повод, чтобы сделать тебя «неудобной». И чем больше ты оправдываешься, тем сильнее они давят.

— А если я просто уеду? — прошептала я. — Сниму квартиру в другом месте.

— Уедешь — они выиграют, — жёстко сказал он. — Они научатся, что любой, кто задаёт вопросы, рано или поздно сдаётся. И в следующий раз будут давить ещё сильнее.

Я закрыла глаза, пытаюсь унять дрожь. Потом открыла ноутбук и показала ему экран.

— Смотри. Все визиты совпадают с жалобами. Это не случайность. Кто-то управляет этим. Кто-то сидит в центре и дергает за ниточки.

Артём наклонился, всмотрелся в таблицу. Его лицо стало жёстким, чужим.

— Это делает не УК, — тихо сказал он. — УК — фасад. Настоящие решения принимает совет жильцов. А возглавляет его... — он запнулся, будто слова застряли в горле. — Слушай, я не должен тебе этого говорить.

— Должен, — почти крикнула я. — Или я пойду прямо сейчас в полицию.

Он вздохнул, провёл рукой по лицу.

— Совет возглавляет Дмитрий. Из пятого подъезда. Тот самый, который пишет про комфорт. Он бывший сотрудник службы безопасности. И у него есть доступ ко всем камерам. И к чату. И к спискам жильцов.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Дмитрий — тот, кто громче всех требовал порядка, — сам и создавал этот порядок. Он был дирижёром, а соседи — его оркестром.

— Зачем? — спросила я. — Зачем ему это?

Артём помолчал.

— Власть, — просто сказал он. — И контроль. В этом доме он бог. Он решает, кто хороший, а кто неудобный. Кто останется, а кто уйдёт.

Я вспомнила его сообщения в чате — вежливые, но с металлическим оттенком. «Мы платим за комфорт». Комфорт ценой чужой свободы.

— И ты знал, — сказала я, и в голосе прозвучало обвинение.

Он не стал отпираться.

— Знал. И молчал. Потому что думал, что так безопаснее. Что если я не лезу, они не тронут меня.

— А теперь? — спросила я.

— А теперь я вижу, что безопаснее не бывает, — ответил он. — Пока кто-то решает за всех, никто не в безопасности.

Телефон снова пискнул.

Без имени: Лера, не ходи завтра на встречу. Это ловушка. У них уже готов акт. Найди доказательства, что они действуют незаконно. И выложи их туда, где чат не сможет их стереть.

Я посмотрела на Артёма.

— Кто это пишет? — спросила я. — «Без имени»?

Он опустил глаза.

— Это я, — тихо признался он. — Я создал этот аккаунт, чтобы предупреждать тех, кто начинает задавать вопросы. Чтобы они не чувствовали себя сумасшедшими.

Я отступила на шаг, прислонилась к стене. Всё встало на свои места: быстрые ответы, точные советы, знание договора. Артём был не просто охранником. Он был тем, кто пытался сломать систему изнутри.

— Почему не сказал сразу? — спросила я.

— Боялся, что ты не поверишь, — честно ответил он. — Или решишь, что я один из них.

Мы стояли в полумраке моей квартиры, и между нами висело то, что нельзя было игнорировать: мы оба знали слишком много. И оба рисковали слишком многим.

— Что теперь? — спросила я.

— Теперь мы делаем то, что они боятся больше всего, — сказал Артём. — Мы показываем, как работает их система. Не в чате, где они всё контролируют. А там, где их власть заканчивается.

Он достал из сумки ещё одну флешку.

— Здесь — логи доступа к камерам. Видно, кто и когда смотрел записи. И кто стирал файлы. Там есть имя Дмитрия. И время, когда он заходил в твою квартиру.

Я взяла флешку, чувствуя, как пальцы дрожат. Это были не просто файлы. Это был приговор.

— Куда мы это выложим? — спросила я.

— Есть канал, — сказал он. — Не в этом чате. Отдельный, закрытый. Туда скидывают доказательства те, кто уже ушёл из «Сосны». Те, кого выставили за дверь.

— А если они удалят и там? — спросила я.

— Тогда мы сделаем так, чтобы удалить было невозможно, — твёрдо сказал он. — Мы разошлём это в редакции. В прокуратуру. В соцсети. Пусть весь город увидит, какой ценой покупается их «комфорт».

Я посмотрела на него — и вдруг увидела не охранника, не таинственного помощника, а человека, который тоже устал бояться. Человека, который готов рискнуть всем, чтобы разрушить эту идеальную ложь.

— Хорошо, — сказала я. — Давай сделаем это.

Он кивнул, будто ждал этих слов.

— Но сначала — защита, — добавил он. — Тебе нужно где-то спрятаться на пару дней, пока мы запускаем процесс. У меня есть место. Не здесь. Не в доме.

Я хотела спросить, где, но он уже повернулся к двери.

— Собирай самое важное, — сказал он. — Документы, ноутбук, флешку. И ничего не оставляй на виду.

Пока я собирала вещи, он стоял у окна, прислушиваясь к тишине, которая больше не казалась безопасной. И я вдруг поняла: этот дом не хотел, чтобы мы знали правду. Но мы её узнали. И теперь он боялся нас.

Когда я закрыла дверь квартиры, в последний раз оглянувшись на стерильный, чужой интерьер, в чате снова что-то пискнуло. Я не стала смотреть. Пусть пищут. Пусть голосуют. Пусть думают, что контролируют ситуацию.

Потому что теперь контроль был у нас.

Глава 4. Дом, который смотрит в ответ

Мы вышли из подъезда в тот самый час, когда город ещё не проснулся, но уже начал шевелиться: где-то вдалеке урчал мусоровоз, фонари гасли один за другим, а «Сосны» стоял, как огромная белая крепость, слишком чистая и слишком равнодушная. Артём шёл чуть впереди, будто прокладывал путь, и я шла за ним, прижимая к себе сумку, где лежали ноутбук, флешки и моя жизнь в виде паролей и файлов.

— Сюда, — тихо сказал он, сворачивая к старой пристройке у котельной — там, где камеры почти не доставали. — Тут есть проход, которым пользуются рабочие. Его не видно с главных дорожек.

Я оглянулась. Казалось, что окна домов следят за нами, каждое — как глаз. И в этом ощущении не было паранойи. Теперь я знала: они действительно следили.

Мы сели в его машину — старую, неприметную, с запахом кофе и старых газет. Он завёл мотор, но не тронулся. Сначала достал из бардачка конверт.

— Держи. Там копия договора, который подписывают все жильцы. Но не та, что дают на заселение. А полная версия. С приложениями.

Я развернула бумаги. На третьей странице мелким шрифтом: «Совет жильцов вправе инициировать процедуру досрочного расторжения договора при наличии трёх и более подтверждённых жалоб». А внизу — подпись председателя совета. Дмитрий.

— Это не просто сосед, который любит тишину, — сказал Артём, глядя прямо перед собой. — Это человек, который построил систему. И он не остановится на мне.

— На тебе? — переспросила я.

Он помолчал. Потом кивнул.

— У меня в этом доме осталась сестра, — тихо признался он. — Она живёт в третьем подъезде. И если они поймут, что это я сливаю информацию... ей сделают жизнь невыносимой. Как делали другим.

Внутри всё сжалось. Я вспомнила, как он говорил: «Я был на твоём месте». Теперь я поняла, насколько глубоко он в этой ловушке.

— Тогда зачем ты помогаешь мне? — прошептала я.

— Потому что если я не помогу сейчас, завтра будет поздно, — жёстко сказал он. — Они уже готовят акт на твою квартиру. И у них есть свидетели. Соседи, которые подпишут что угодно, лишь бы их самих не трогали.

Телефон в кармане завибрировал. Чат. Я не хотела смотреть, но рука сама потянулась.

УК «Сосны»: В связи с поступившими жалобами и отказом жильца предоставить доступ, инициирована процедура урегулирования. Дмитрий, 5 подъезд: Мы не можем позволить, чтобы один человек ставил под угрозу комфорт всего сообщества. Марина, 2 подъезд: Пусть её выселяют. У нас дети. Мы хотим спать спокойно. Без имени: Лера, не возвращайся. Они ждут тебя у подъезда.

Я подняла глаза на Артёма.

— Они ждут, — сказала я.

Он кивнул, не удивляясь.

— Да. Это их тактика. Загнать в угол, заставить оправдываться. И пока ты оправдываешься, они делают следующий шаг.

Я открыла ноутбук, пока машина медленно ехала по пустынным улицам. На флешке с логами доступа были временные метки: Дмитрий заходил в систему камер ровно в те моменты, когда в чате появлялись жалобы. Более того — IP-адреса совпадали с внутренней сетью УК. Это значило, что он не просто «активный сосед». Он был частью механизма.

Но в логах было и ещё кое-что. Ещё один пользователь. С правами администратора. Имя: «Admin_UK». И он появлялся каждый раз, когда кто-то из «неудобных» жильцов исчезал из чата. Или из дома.

— Кто это? — спросила я, показывая Артёму экран.

Он поблел.

— Это не Дмитрий, — тихо сказал он. — Это кто-то выше. Кто-то из управляющей компании. Тот, кто даёт Дмитрию полномочия.

В этот момент телефон снова пискнул. На этот раз не чат. Личный звонок. Номер был мне знаком — это был мой бывший коллега, редактор одного городского издания.

— Лера? — голос звучал напряжённо. — Ты в курсе, что в одном закрытом канале появились файлы про «Сосны»? И там есть твоё имя.

— Я в курсе, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я их и выложила. Точнее, мы.

— Слушай, — быстро сказал он. — Если это правда, нам нужно больше. Не просто скриншоты. Нужны документы, подписи, свидетельства. И главное — кто стоит за этим. Потому что, если мы опубликуем только жалобы соседей, УК скажет, что это «внутренние разногласия». А если мы покажем, что система управляется сверху — это будет бомба.

— У нас есть логи доступа, — сказала я. — И договор с пунктом о досрочном выселении. И имя председателя совета.

— Этого мало, — твёрдо сказал он. — Нам нужно имя того, кто даёт ему полномочия. Тот самый «Admin_UK».

Я посмотрела на Артёма. Он слушал, сжав руль так, что побелели костяшки.

— Есть способ, — тихо сказал он. — У меня есть доступ к резервному серверу. Туда скидывают копии всех записей. И там могут быть метаданные: кто создавал учётные записи, кто менял права. Но чтобы туда попасть, нужно быть внутри здания. В серверной.

— Ты хочешь вернуться? — не поверила я.

— Не я, — поправил он. — Мы. Потому что одному там делать нечего. А вдвоём... может, получится.

План был простым и безумным: вернуться в «Сосны», пройти через служебный вход, добраться до серверной, скачать нужные файлы и уйти до смены охраны. Риск — огромный. Но альтернатива — сидеть и ждать, пока система сожрёт нас по очереди.

Когда мы подъехали к району, Артём остановил машину за два квартала от комплекса.

— Дальше пешком, — сказал он. — И держись ближе к заборам. Камеры на главных дорожках.

Мы шли, прячась в тени домов. Я чувствовала, как сердце колотится где-то в горле, а мысли мечутся: «Это безумие. Нас поймают. Сестра Артёма пострадает». Но другая часть меня — та, что устала быть «неудобной», — шептала: «Если не сейчас, то никогда».

У служебного входа Артём достал пропуск.

— Он у меня до конца смены, — сказал он, проводя картой. — Но, если система заметит, что я зашёл не по маршруту — нас заблокируют.

Дверь щёлкнула, и мы оказались в полутёмном коридоре, пахнущем пылью и электричеством. Здесь не было камер. Здесь были только трубы, провода и тишина, которая давила на уши.

Серверная оказалась маленькой комнатой, заставленной стойками с мигающими лампочками. Артём быстро нашёл нужный шкаф, подключил ноутбук и начал копировать файлы.

— Вот, — прошептал он, указывая на экран. — Видишь? Учётная запись «Admin_UK» была создана полгода назад. И создатель — директор УК. Его имя...

Он не успел договорить. Дверь скрипнула.

Мы замерли. В проёме стоял Дмитрий. В строгом костюме, с телефоном в руке. И на экране его телефона — наша трансляция с камер. Он знал, что мы здесь.

— Думал, ты умнее, Артём, — спокойно сказал он, не повышая голоса. — Думал, ты понял правила игры.

Артём медленно встал, заслоняя меня.

— Правила ты придумал сам, — ответил он. — А мы их не подписывали.

Дмитрий усмехнулся.

— Подписали, — сказал он, постукивая пальцем по экрану. — Все подписали. Просто не читали. И теперь вы нарушаете договор. А это значит, что вы — угроза сообществу.

— Сообщество — это мы, — твёрдо сказала я, выходя из-за спины Артёма. — А ты — просто человек, который решил, что может решать за всех.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде не было злости. Только холодная уверенность.

— Ты не понимаешь, — сказал он. — Этот дом — не про свободу. Он про порядок. И те, кто его нарушает, должны уйти.

— А те, кто его строит на страхе? — спросила я. — Что с ними?

Он не ответил. Вместо этого сделал шаг вперёд. И в этот момент телефон Артёма пискнул.

На экране — уведомление из чата:

Анна, 3 подъезд: Видела, как они заходили через служебный вход. Это нарушение!
Марина, 2 подъезд: Надо вызвать охрану! УК «Сосны»: Внимание всем постам: задержать лиц, незаконно проникших на территорию.

Дмитрий улыбнулся.

— Видишь, — сказал он. — Система работает. Даже без меня.

Но Артём уже нажал кнопку. Файлы ушли. Все логи, все метаданные, все доказательства — в облако, в редакцию, в закрытый канал. И теперь стереть их было невозможно.

— Теперь пусть работает, — тихо, но твёрдо сказал Артём. — Пусть все увидят, кто на самом деле управляет этим домом.

Дмитрий побледнел. Он понял: игра закончилась. Теперь правила диктовали не он.

— Ты пожалеешь, — прошипел он, отступая к двери. — Ты и твоя сестра.

— Нет, — спокойно ответил Артём. — Теперь жалеть будешь ты.

Мы вышли в коридор, уже не прячась. Пусть смотрят камеры. Пусть читают чат. Пусть знают: мы не боимся.

И когда мы проходили мимо камер, я остановилась и посмотрела прямо в объектив.

— Пусть видят, — сказала я. — Пусть весь город знает, какой ценой покупается их «идеальный дом».

Глава 5. Сестра, которая знает слишком много

Мы вышли из серверной, и коридор вдруг перестал казаться тёмным и зловещим — он стал просто коридором: пыльным, пахнущим техническим маслом, с мигающей лампой, которая раздражающе щёлкала, будто комментировала наш провал. Или нашу победу. Я не знала, что это было.

— Ну, — сказала я, пытаюсь унять дрожь, — если это был план «прокрасться незаметно», то мы его блестяще провалили.

Артём криво усмехнулся, но в глазах у него всё ещё стояла тревога.

— Главное — файлы ушли, — тихо сказал он. — Остальное — детали.

— Детали, которые могут стоять нам свободы, — добавила я. — Но ладно. Главное — мы не оставили там отпечатки пальцев. Наверное.

Он посмотрел на меня так, будто пытался понять, шучу я или схожу с ума от стресса.

— Ты в порядке? — спросил он.

— В полном, — бодро ответила я. — Просто у меня такой способ не падать в обморок: делаю вид, что всё это — очень плохая комедия.

Мы шли по служебному коридору, стараясь не смотреть на камеры, хотя знали, что уже поздно. Нас видели. Нас уже обсуждали в чате. И, скорее всего, уже готовили акт.

Когда мы выбрались к парковке, Артём вдруг остановился.

— Надо забрать Катю, — тихо сказал он.

— Катю? — переспросила я.

— Мою сестру. Она в третьем подъезде. Если Дмитрий сейчас начнёт мстить... она первая в списке.

Я хотела сказать «понятно», но вместо этого спросила:

— А она знает, что ты делаешь?

Он поморщился, как от зубной боли.

— Знает только, что я что-то делаю. И что лучше ей не высовываться. Но Катя... она не из тех, кто сидит тихо.

— Это плохо? — уточнила я.

— Это катастрофически плохо, — мрачно ответил он. — Потому что она ещё и сарказмом владеет лучше, чем я — охранной инструкцией.

Третий подъезд встретил нас идеальной тишиной и запахом лавандового освежителя, который пытался замаскировать всё на свете — от старых обоев до плохих решений жильцов. На этаже было пусто, но я чувствовала, как за дверями шевелятся любопытные уши.

Артём постучал в дверь — коротко, по-своему.

— Катя, это я. Открывай.

Дверь распахнулась не сразу. Сначала щёлкнули три замка, потом цепочка, потом что-то заскрежетало — будто внутри собирали баррикаду.

На пороге стояла девушка — невысокая, с тёмными волосами, собранными в небрежный пучок, в футболке с надписью «Я не грубая, я экономлю слова». В руке она держала кружку, из которой шёл пар, а в глазах — смесь усталости и упрямства.

— Наконец-то, — сказала она, глядя на Артёма. — Я уже думала, ты решил, что я сама справлюсь с коллективным сознанием этого дома.

— Катя, нам надо уходить, — сказал Артём, не тратя время на приветствия. — Сейчас.

Она посмотрела на меня, потом снова на него.

— Ага, — протянула она. — Значит, это не учебная тревога. Это настоящая.

— Настоящая, — подтвердил он. — Дмитрий знает, что мы были в серверной. Файлы ушли, но он может ударить по тебе.

Катя фыркнула — так, будто услышала что-то смешное.

— Дмитрий? — переспросила она. — Этот человек, который в чате пишет «уважайте комфорт», а сам в три часа ночи включает перфоратор, чтобы «проверить акустику»? Да он мне ещё с прошлого года должен.

— Должен? — не поняла я.

— О, да, — с удовольствием пояснила Катя, заходя обратно в квартиру и жестом приглашая нас внутрь. — Должен мне три извинения, один нормальный ответ от УК и одно признание, что он не ангел, а просто человек с комплексом контроля.

Квартира была совсем не похожа на мою стерильную: тут были книги на полу, гитара в углу, плед, сползший с дивана, и на холодильнике — магнитик с надписью «Не стучите, я думаю». И ещё — десяток распечатанных скриншотов из чата, припиленных к доске.

— Что это? — спросила я, невольно подходя ближе.

— Доказательства, — гордо сказала Катя. — Я собираю коллекцию «Как соседи пытаются меня отменить». Вот, смотри: «Катя громко дышит по вечерам». Это от Марины. А вот: «Катя смотрит в глазок — это психологическое давление». От Дмитрия.

Артём закатил глаза.

— Катя, ты зачем это собираешь?

— Чтобы, когда меня выселят, у меня было портфолио, — невозмутимо ответила она. — Или чтобы продать как арт-проект: «Коллективная паранойя в элитном ЖК».

Я не выдержала и рассмеялась. И это было странно — смеяться посреди кошмара. Но в этом смехе было облегчение: не все в этом доме сошли с ума. Просто некоторые сошли громче остальных.

— Ладно, — сказала Катя, ставя кружку и беря сумку. — Если мы уходим, то я беру с собой самое важное: ноутбук, кота и эту доску. Кот, кстати, тоже свидетель. Он видел, как консьерж прятал коробку у мусоропровода.

— Кота? — переспросил Артём.

— Да. Его зовут Скептик. Он не верит ни в комфорт, ни в УК, ни в «сообщество». Только в корм.

В этот момент телефон Артёма пискнул. Он посмотрел на экран — и лицо его стало жёстким.

— Они уже у подъезда, — тихо сказал он. — Охрана. И Дмитрий.

— Значит, у нас пять минут, — спокойно сказала Катя. — Или меньше.

Мы начали собираться. Я помогала запихивать вещи в сумку, Катя что-то шептала коту, Артём смотрел в глазок, прислушиваясь к шагам на лестнице.

И тут Катя вдруг остановилась, достала из ящика стола флешку — обычную, серую, ничем не примечательную.

— Вот, — сказала она, протягивая её Артёму. — Это тебе.

— Что там? — спросил он, не беря.

— Там всё, — просто сказала она. — Все скриншоты, все голосовалки, все сообщения, где меня пытались «отменить». Но самое главное — там есть запись с камеры. Та, где Дмитрий выходит из моей квартиры в два часа ночи. Без ключа. С мастер-картой.

Я почувствовала, как у меня холодеет спина.

— Он был у тебя? — тихо спросил Артём.

— Был, — спокойно ответила Катя. — Сказал, что «надо проверить уровень шума». Я сказала, что уровень шума — это его голос в чате. Он обиделся.

— Почему ты не сказала мне? — прошептал Артём, и в его голосе была не злость, а боль.

— Потому что знала, что ты пойдёшь разбираться, — пожала плечами Катя. — А я не хотела, чтобы тебя уволили. Или хуже.

— Хуже уже сложно, — пробормотала я. — Мы и так в эпицентре коллективного гнева.

— Зато теперь у нас есть козырь, — сказала Катя, застёгивая сумку. — И знаешь, что самое смешное? Дмитрий думает, что он управляет этим домом. А на самом деле он просто герой моего архива.

Мы вышли в коридор — быстро, тихо, стараясь не шуметь. Но у лифта нас уже ждали.

Дмитрий стоял в центре площадки, в безупречном костюме, с телефоном в руке. Рядом — двое охранников. И в чате, наверное, уже писали: «Внимание, нарушители!».

— Артём, — спокойно сказал Дмитрий. — Ты понимаешь, что ты нарушаешь договор?

— Я понимаю, что ты нарушаешь чужие границы, — ответил Артём, не опуская глаз. — И у нас есть доказательства.

Дмитрий усмехнулся — так, будто услышал что-то нелепое.

— Доказательства? — переспросил он. — В этом доме доказательства — это то, что решает сообщество. А сообщество считает, что вы создаёте дискомфорт.

— Сообщество — это не ты, — твёрдо сказала Катя, выходя вперёд. — Сообщество — это мы. И мы не хотим жить по твоим правилам.

Он посмотрел на неё — и в его взгляде мелькнуло что-то новое. Не высокомерие. А раздражение. Будто она нарушила сценарий.

— Ты не понимаешь, — сказал он. — Этот дом — про порядок и уважение.

— Про уважение — это когда ты не вламываешься в чужую квартиру, — спокойно ответила Катя. — А ты вламываешься. И думаешь, что никто не заметит.

Он побледнел. И я поняла: она попала в цель.

— У вас нет доказательств, — процедил он.

— Есть, — просто сказала Катя. — И они уже не только у меня.

Телефон в моём кармане завибрировал. Я достала его — и увидела сообщение от редактора:

«Мы получили файлы. Готовим материал. Заголовок: Дом образцового содержания: как комфорт стал контролем. Держитесь. Скоро всё изменится».

Я посмотрела на Дмитрия. Он тоже увидел экран — и понял, что проиграл. Не в споре. В игре.

— Вы пожалеете, — тихо сказал он, отступая.

— Может быть, — спокойно ответила я. — За то, что думали, что её можно спрятать.

Мы прошли мимо него, мимо охранников, к лифту. Двери закрылись. И в этой тишине, пока лифт ехал вниз, я вдруг поняла: дом больше не казался мне страшным. Он казался просто... глупым. Слишком старающимся быть идеальным. Слишком боящимся правды.

— Знаешь, — сказала Катя, когда мы вышли на улицу, — я думала, что самое страшное — это когда тебя отменяют в чате. А оказалось, самое страшное — когда ты позволяешь им это сделать.

— Теперь уже не позволят, — тихо сказал Артём.

— Точно, — подтвердила Катя. — Потому что у нас есть флешка. И кот, а он — это уже серьёзный аргумент.

Я рассмеялась. От того, что мы выжили. И что правда, оказывается, может быть не только страшной — но и смешной и очень злой.

Глава 6. Цена «идеального дома»

Мы сели в машину, и тишина внутри была уже не напряжённой, а какой-то собранной — будто мы наконец-то перестали бежать и начали готовиться к бою. Катя устроилась сзади, прижимая к себе переноску, из которой время от времени доносилось недовольное «мяу».

— Скептик нервничает, — пояснила Катя, поглаживая пластик. — Он не любит перемен. Он любит, когда всё предсказуемо: корм в шесть, глажка в семь, травля от соседей по расписанию.

Я невольно улыбнулась, но тут же поймала себя на том, что улыбаюсь нервно, как человек, который знает: самое страшное ещё впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.